

М. М. САФОНОВ

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЕКТ Н. И. ПАНИНА—
Д. И. ФОНВИЗИНА

Единственным источником, сообщающим о существовании этого проекта, является написанное в начале 50-х годов XIX в. сочинение декабриста М. А. Фонвизина «Обозрение проявлений политической жизни в России», фигурирующее в исторической литературе под названием его «Записок».¹ М. А. Фонвизин сообщает, что Н. И. Панин, воспитатель цесаревича Павла, хотел «ограничить самовластие твердыми аристократическими институтами». С этой целью под руководством Н. И. Панина его секретарем драматургом Д. И. Фонвизиним был написан конституционный проект. Список с конституционного проекта хранился у его родного брата П. И. Фонвизина, бывшего директором Московского университета. В 1792 г. во время преследования Н. И. Новикова и московских массонов, связанных с Московским университетом, П. И. Фонвизин, ожидая обыска, перед самым прибытием полиции уничтожил конституционный проект. Отец автора «Записок» А. И. Фонвизин, второй брат драматурга, случайно находившийся при этом, успел спасти введение к конституционному проекту, или, как его называет М. А. Фонвизин, «род Considerant». Это введение, написанное рукой Д. И. Фонвизина, было похищено у автора «Записок» каким-то букинистом, впоследствии продавшим этот документ П. П. Бекетову, издателю сочинений Д. И. Фонвизина. Но еще до похищения М. А. Фонвизин снял несколько копий с этого введения. Одну из них он передал Н. М. Муравьеву. Другую копию в 1826 г. забрали у М. А. Фонвизина во время его ареста.

¹ М. А. Фонвизин. Обозрение проявлений политической жизни в России. (Примечания к книге: Histoire de Russie par M. M. Esneaux et Chennechet. 5 volumes. Paris, 1835). В кн.: В. И. Семевский, В. Богучарский, П. Е. Щеголев. Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. 1. СПб., 1905, с. 97—202.

Несмотря на это, через четверть века, во время написания своих «Записок», М. А. Фонвизин помнил первые строки этого введения и процитировал их: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных». На каких условиях Н. И. Панин проектировал это вверение верховной власти государю, видно из следующих слов М. А. Фонвизина: «... Панин предлагал установить политическую свободу, сначала для одного дворянства, в учреждении верховного сената, которого часть несменяемых членов (*inamovibles*) назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц. Синод также бы входил в состав общего собрания сената. Под ним в иерархической постепенности были бы дворянские собрания губернские или областные и уездные, которым предоставлялось бы право совещаться об общественных интересах и местных нуждах, представлять об них сенату и предлагать ему новые законы (*avoir l'initiative des lois*).

Выбор как сенаторов, так и всех чиновников местных администраций производился бы в этих же собраниях. Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы власть исполнительная с правом утверждать обсужденные и принятые сенатом законы и обнародовать их. В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых людей».²

Составление конституционного проекта М. А. Фонвизин относит к 1773 или 1774 г., когда, согласно рассказу его отца, братья Панины организовали заговор, имевший целью возвести на престол достигшего совершеннолетия Павла при условии (на которое цесаревич дал свое согласие) ввести предложенную Н. И. Паниным конституцию.

Достоверен ли рассказ М. А. Фонвизина? В 1907 г. Е. С. Шумигорский опубликовал «Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о непременных государственных законах», первая фраза которого совпадает (с небольшими различиями) с первыми строчками введения к конституционному проекту, процитированными М. А. Фонвизиним в его «Записках».³ В публикацию Е. С. Шумигорского был включен це-

² Там же, с. 126—127.

³ Е. С. Шумигорский. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907, Прилож., с. 4—13. — Впервые список этого сочинения был опубликован А. И. Герценом под заглавием «О праве государственном Фон-Визина» (Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжка вторая. Лондон, 1861, с. 169—189). В современных изданиях этот документ печатается под заглавием «Рассуждение о непременных государственных законах» (К. В. Пугарев. «Рассуждение о непременных государственных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева. Литературное наследство, т. 60, кн. I, М., 1956, с. 339—360; Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. М.—Л., 1959, т. II, с. 254—267 и др.). Между тем подлинник озаглавлен «Найденное в бумагах покойного графа Никиты

ный ряд документов, проясняющих обстоятельства и время возникновения «Найденного в бумагах... разсуждения...». Из письма П. И. Панина к Павлу, написанного 1 октября 1784 г., явствует, что Н. И. Панин сочинял для поднесения цесаревичу (о чем было «сведомо» последнему) «разсуждение о истребившейся в России со всем всякой формы государственнаго правления, и от того о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей». Так П. И. Панин резюмировал содержание «Найденного в бумагах... разсуждения...». Н. И. Панин считал своим долгом «примыслить... форму государственнаго правления и фундаментальные законы, свойственнейшие существительному положению и правам обитателей Отечества своего», но его внезапная смерть, по словам П. И. Панина, помешала даже начать составление соответствующего проекта. Поскольку Н. И. Панин «по последнем выезде» Павла в путешествие (19 сентября 1781 г.—20 ноября 1782 г.) «лишился возможности употреблять собственную свою руку на долгое писание да и голова его перестала уже выносить долгую тиктатуру», «Найденное в бумагах... разсуждение...» было написано рукой Д. И. Фонвизина из «преподаваемых словесных только... назначенных».⁴ П. И. Панин сообщил также, что сразу же после смерти Н. И. Панина (31 марта 1783 г.) Д. И. Фонвизин «сохранил от преследования» все бумаги покойного и передал их П. И. Панину, как только последний приехал в Петербург.⁵ П. И. Панин, чтобы завершить работу своего брата, сочинил «Прибавление к разсуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ними разсуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, не премеваемые на все времена никакой властью». Несколько позже им были сочинены два манифеста, предназначавшиеся для опубликования Павлом при его восшествии на престол. К ним П. И. Панин прилагал письмо, в котором он объяснил причины, заставившие его взяться за со-

Ивановича Панина разсуждение о непрменных государственных законах» (далее: «Найденное в бумагах... разсуждение...»). (ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 17, л. 5).

⁴ П. И. Панин — Павлу, 1 октября 1784 г. В кн.: Е. С. Шумиго рский. Император Павел I... Прилож., с. 2—3.

⁵ Там же, с. 2. — Это сообщение П. И. Панина косвенно подтверждается записками компаньона Д. И. Фонвизина по торговле антикварными вещами Г. И. Клостермана, сохранившими рассказ Д. И. Фонвизина о разборе бумаг Н. И. Панина, при котором писателю пришлось присутствовать в качестве секретаря покойного. И. А. Остерман, производивший осмотр, потребовал, чтобы открыли гардероб, предполагая, что и там могут быть государственные документы. «Тут, — рассказывал Фонвизин, — нашлись старые сапоги, и великая душа его успокоилась» (цит. по: И. Н. Жданов. Сочинения, т. 2, СПб., 1907, с. 168). В извлечениях из рукописи Клостермана, сделанных Д. А. Толстым для «Русского архива», этот эпизод опущен. (Фонвизин. Из неизданных записок Клостермана. Русский архив, 1881, т. 3, вып. 2).

ставление манифестов.⁶ Однако П. И. Панин не решился отправить Павлу предназначенные для него документы, и они были переданы Павлу только после смерти П. И. Панина, последовавшей в 1789 г.

Материалы, опубликованные Е. С. Шумигорским, вносят существенные поправки в рассказ М. А. Фонвизина. «Найденное в бумагах... рассуждение...», которое М. А. Фонвизин назвал введением к конституционному проекту, не имело прямого отношения к событиям 1773 г. и возникло почти на 10 лет позже их. Что же касается самого конституционного проекта, то из письма П. И. Панина к Павлу следует, что намерение Н. И. Панина написать проект государственных преобразований осталось неосуществленным. Более того, «Прибавление...» П. И. Панина к «Найденному в бумагах... рассуждению...» позволяет усомниться не только в существовании текста конституционного проекта П. И. Панина—Д. И. Фонвизина, но и в наличии у его авторов конституционных планов, описанных М. А. Фонвизиним в его «Записках», поскольку проект, созданный П. И. Паниным и предназначенный довершить работу, прерванную смертью его брата, не содержит никаких мер по ограничению самодержавия.

В. И. Семевский, в распоряжение которого Е. С. Шумигорский предоставил панинские материалы за несколько лет до их опубликования, предпринял попытку примирить сообщение П. И. Панина о неосуществленном замысле его брата написать проект государственных преобразований со свидетельством автора «Записок» о существовании конституционного проекта Н. И. Панина—Д. И. Фонвизина, уничтоженного в 1792 г. братом драматурга. В. И. Семевский предположил, что, хотя смерть помешала Н. И. Панину выработать конституционный проект, все же Д. И. Фонвизину были известны политические реформы, об осуществлении которых мечтал Н. И. Панин, но, поскольку он не считал возможным немедленно их осуществить, предположения Н. И. Панина, записанные Д. И. Фонвизиним, не попали к П. И. Панину, а были переданы на хранение П. И. Фонвизину, впоследствии уничтожившему их.⁷

Предположения В. И. Семевского требуют уточнения. Соглашаясь с В. И. Семевским в признании достоверности факта уничтожения П. И. Фонвизиним проекта государственных преобразований, мы находим возможным усомниться в том, что отра-

⁶ Е. С. Шумигорский. Император Павел I... Прилож., с. 13—35.

⁷ В. И. Семевский, В. Богучарский, П. Е. Щеголев. Общественные движения в России... с. 10; см. также: К. В. Пигарев. 1) Творчество Фонвизина. М., 1954, с. 146; 2) «Рассуждение о непременимых государственных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Пикеты Муравьева, с. 343; Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжка третья. Комментарии и указатели. М., 1971, с. 151 (далее: ИС); ср.: Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.—Л., 1961, с. 205.

женные в этом проекте преобразования приурочивались к более или менее отдаленному будущему и что вследствие этого Д. И. Фонвизин не передавал П. И. Папину проекта «фундаментальных законов». Основанием для сомнения служат две записки Павла, одна из которых излагает содержание беседы с Н. И. Папиным за два дня до его смерти, а другая представляет собой план государственного преобразования, явившийся, как мы полагаем, следствием этой беседы. Эти ценнейшие источники, хранившиеся в секретных пакетах в Государственном архиве и в силу этого ставшие доступными лишь после Октябрьской революции, но не обратившие на себя внимание советских ученых, до сих пор оставались неизвестными исторической науке. Первая записка озаглавлена Павлом: «Разсуждения вечера 28 марта 1783».⁸ Где был Павел в этот вечер? Ф. Н. Голицын в своих воспоминаниях пишет: «...за несколько дней перед кончиной графа (Н. И. Папина, — М. С.) пожаловал к нему на вечер великий князь. Тут было объяснение о всем предыдущем, но граф через несколько дней после скончался».⁹ Более определенно о дате этого вечернего визита можно заключить из письма Павла к Н. И. Салтыкову: «...за два дни (до смерти Н. И. Папина, — М. С.), разговаривая меж себя о нем, пришли в несказанную чувствительность и положили ехать к нему в тот вечер (разрядка паша, — М. С.); он весел и свеж был так, как я уже года с три не видывал; на другой день, сказывают, он таков же был и не хотел идти спать».¹⁰ Итак, 28 марта у Н. И. Папина произошло «объяснение о всем предыдущем», результатом которого было необыкновенное оживление и веселость Н. И. Папина.¹¹ Причина его душевного подъема становится понятной при ознакомлении с запиской Павла — планы Н. И. Папина были в общем одобрены цесаревичем.¹²

⁸ ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 57, л. 1.

⁹ Записки князя Ф. Н. Голицына. Русский архив, 1874, кн. 1, стлб. 1285.

¹⁰ Павел — Н. И. Салтыкову, 5 апреля 1783 г. В кн.: П. Свиньин. Записки о жизни генерал-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова. СПб., 1818, с. 112. — В том же письме Павел сообщает, что он, прибыв 31 марта 1783 г. утром к Н. И. Папину, застал его уже без сознания, через два часа Н. И. Папин скончался. По свидетельству Алопеуса, смерть наступила в 11 часов утра (М. М. Алопеус — А. Ф. Ассебургу, 31 марта 1783 г. In: Denk würdigkeiten des Freiherrn Achtz Ferdinand von Asseburg. Berlin, 1842, S. 414). Следовательно, Павел прибыл к Н. И. Папину в 9 час. утра. Таким образом, «за два дни» до этого (имея в виду раннее утро 31 марта) означает 28 марта.

¹¹ Душевный подъем Н. И. Папина отмечен также и Д. И. Фонвизиным, находившимся, по его собственному свидетельству, неотлучно при Н. И. Папине в последние дни его жизни (Жизнь графа Н. И. Папина. Собрание сочинений в двух томах, т. II, с. 287). Очень возможно, что Д. И. Фонвизин присутствовал при визите Павла и даже участвовал в рассуждениях.

¹² Не это ли обстоятельство послужило основой для утверждения М. А. Фонвизина, что Павел согласился принять предложенную Н. И. Па-

«Поверено было о неудобствах и злоупотреблениях нынешняго рода администраци пашей, — начинает свою записку Павел, — проходя разные части и сравнивая с таковою в других землях и опять с обстоятельствами пашей,¹³ нашли за лучшее согласовать необходимо нужную монархическую исполнительную власть по обширности государства с преимуществом той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения себя от деспотизма или самого государя или частного чего-либо.¹⁴ Сие все полагается уже вследствие установления и учреждения порядка наследства, без котораго ничего быть не может; которой и есть закон фундаментальной».

Отметив, что необходимое для этой цели приведение в порядок уже существующих законов не может быть выполнено в короткий срок, Н. И. Папин, а вместе с ним и Павел сочли необходимым приступить «теперь к нужнейшему и нетерпещему времени».¹⁵ «Станем стараться, — пишет Павел, — помочь и отворотить главнейшия неудобства. Поможем сохранению свободы («вольности» зачеркнуто, — М. С.) состояния каждого, заключая оную в должныя граицы, и отворотим противное сему, когда деспотизм, поглащая все, истребляет наконец и деспота самого».

«Должно различать власть законодательную и власть законы хранящую и их исполняющую. Законодательная может быть в руках государя, по с согласия государства, а не инако без чего обратится в деспотизм. Законы хранящая должна быть в руках всей нации, а исполняющая в руках под государем, предопределенным управлять государством. Отложим теперь первое из сих раз-

ными конституцию? «Разсуждение вечера 28 марта 1783» написано по горячим следам беседы с Н. И. Папиным, вероятно в тот же вечер 28 марта, видно, Павел спешил изложить содержание важного разговора, мало заботясь о стиле изложения. Рукопись носит следы судорожной поспешности, ярко выразившейся в неуклюжем построении фраз, не характерном для большинства записок Павла, а также в немалом количестве исправлений и помарок.

¹³ Перед отъездом Павла во второе путешествие Н. В. Репнин, единомышленник Н. И. Папина, советовал цесаревичу изучать государственное устройство других стран и сравнивать их, что, по его мнению, должно было принести большую пользу Павлу императору (Н. В. Репнин — Павлу, 5 июля 1781 г. В кн.: Н. К. Шильдер. Император Павел I. Историко-биографический очерк. СПб., 1901, Приложения, с. 543—544).

¹⁴ Разсуждения вечера 28 марта 1783 г. ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 57, л. 1. — Ср. определение политической вольности нации в «Найденном в бумагах... разсуждении...» (Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах, т. II, с. 264).

¹⁵ Ср. упоминание в «Найденном в бумагах... разсуждении...» о необходимости монарху начать свое служение «немедленным ограждением общей безопасности посредством законов непреложных», а также о том, что государство «требует немедленного врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупотреблением самовластия» (Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах, т. II, с. 266).

делений по вышесказанным причинам. Видно из сего, что вторая, будучи связана с третьей, должна быть согласована с сею. Из сего и следует, что необходимо пужен свободный выбор членов собрания таковой власти, как и выборы по наместничествам, которые конфирмируются государем, чем обе власти споспешествуют к лучшему содействию, а как надобен залог твердости постановления, обеспечивающий государство и государя, то и будет сим собрание мужей, пекущихся о благе общем в сохранении законов». ¹⁶

Так с помощью аргументов, которые в развернутом виде можно встретить в «Найденном в бумагах... рассуждении...», а также с помощью распространенной в XVIII в. теории разделения властей Н. И. Панин подвел Павла к мысли о необходимости учреждения выборного дворянского сената. Примечательно, что в первой части своей записки, излагающей аргументацию в пользу сената, Павел постоянно употребляет множественное число («мы», «наш», «станем стараться», «поможем» и т. д.), что вполне оправдано, так как он излагает ход совместных рассуждений. Когда же Павел переходит к конкретным чертам предполагаемого преобразования государственного устройства, он начинает говорить от первого лица («я делю», «полагаю», «понимаю», «я оставляю» и т. д.).

«Таковое (т. е. «собрание мужей, пекущихся о благе общем в сохранении законов», — *М. С.*) есть сенат, оный я делю, — пишет Павел, — на две части в обеих местах (т. е. в Москве и Петербурге, — *М. С.*) на департамент уголовной и гражданской. Составление членов онаго полагаю быть по выбору и представлению дворянства каждого наместничества с конфирмации государственной и состоять ему из числа, соответствующаго числу наместничеств из первых трех классов. При чем полагаю быть при сенате от каждого же наместничества по одному стряпчему из шести классов выбранных, которым иметь собрание для всегдашняго дел предложения и быть им выбираемым в наместничестве.

Я надеюсь, что таковое установление должно служить к пользе общей и устанавить общую доверенность.

Для рассмотрения новых казусов и пр. иметь сенату полное собрание, куда призываются и стряпчия, к которым дела от наместничеств сообщаются, и сии по оным докладывают и стряпают.

Но каково полезно ни почитаю учреждения правления правосудия, соединяя в себе особливо членов, избранных самим государством и подчиненных таким образом государю, но надобна таковая особа, которая могла, присутствуя, соглашать объявленцем воли законов и намерений государя как разными мнения, так и направлять умы к известной цели. Сия особа должна быть канцлер правосудия, министр государев.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 57, л. 2—2 об.

Я оставляю прокуроров, каковы они есть. Но гесперал-прокурор не иное что, как таковой же при общем собрании сената и подчинен канцлеру.

Каждое наместничество, будучи снабжено нужными разных родов дел департаментами или палатами, коллегии сами собою исчезли пныя.

Я их, как и остальные, инако не полагаю, как департаментами той исполнительной власти, о которой выше упоминалось по разным родам частей оной.

Сказав о сенате, сказал, как я его разумею, и, разделя на два отделения, еще больше изъяснил, то есть что оный хранитель законов и исполнитель законов. Но администрация государства не в сем одном только заключается, а составляла из других частей по разным родам дел, принадлежащих непосредственно по существу своему к исполнительной власти, особливо везде, где одна подобна воля для принятия скорейшаго намерения и воли исполнения. Такова политическая, финансовая, коммерческая, обе военные и казенная. Следственно, и принадлежит ведение сего той особе, у которой та власть, то есть государю, а как сему обнять ни по физической, ни по моральной возможности невозможно, а еще меньше, когда взойти в исчисление страстей и слабостей человеческих, то и». ¹⁷

На этом записка обрывается. Невозможно определить, был ли описанный в пей проект преобразования сената высказан Н. И. Паниным и частично записан Павлом от первого лица или же сам Павел изложил его во время беседы, в ходе которой Н. И. Паниным могли быть сделаны замечания, не отраженные в записке. Как бы то ни было, изложение «Разсуждений 28 марта 1783» не доведено до конца, и остается неизвестным, как Павел представлял законохранящие функции избираемого дворянством сената и в чем именно должно было заключаться «согласие государства» на законодательную деятельность монарха, что, по словам павловской записки, гарантировало невозможность превращения монархической власти в деспотизм.

Этот важный вопрос находит свое разъяснение при обращении к другой записке Павла, составленной, по всей видимости, после «Разсуждений вечера 28 марта 1783» и также посвященной государственным преобразованиям. ¹⁸

В этой записке Павел намечает переход к министерской системе. Он предполагает учредить «юстицкой», «камерной», «денежной», «счетной», «коммерции», «два военных», «внешних или иностранных дел» департаменты. Во главе каждого из них должен стоять министр или шеф. «Сии все шефы разных государства дел

¹⁷ Там же, л. 2 об.—4 об.

¹⁸ Там же, ед. хр. 73, л. 12—18. — Записка не имеет ни заглавия, ни даты. В отличие от «Разсуждений вечера 28 марта 1783» она написана в несколько приемов, о чем свидетельствует изменение почерка и тона чернил, разбита на пункты, построение фраз логически продумано.

частей должны иметь место, в котором могли сноситься по делам... А сие место, в котором им всем собираться, должно быть государев совет».¹⁹ Компетенция этого учреждения не раскрыта в данной записке Павла, по, учитывая, что Павел писал свою записку под сильным влиянием Н. И. Панипа, который еще в 1762 г. написал «Устав Верховному правительству», превращающий императорский совет в «верховное место лежисляций или законодания», можно предположить, что государев совет павловской записки является учреждением, где министры обсуждали бы новые законы.²⁰

Основательно описав современное положение сената, его функции и структуру, придя к выводу, что сенат является одновременно и судебным местом, и верховным правительством, Павел намечает превратить его в «первый судебный трибунал», т. е. в высшую судебную инстанцию, во главе которой стоит канцлер юстиции. Его функции заключаются не только в том, чтобы решать дела, которые не могут быть решены в низших инстанциях, и служить посредником между ими и монархом. Существование «верховного судебного места» необходимо также в случае, «если ли бы государь сделал какое-нибудь учреждение или дал повеление, касающееся до юстиционной части... и то его повеление само ли по себе или в исполнении имело что-нибудь затруднительное или могущее навредить само ли собою или следствиями какой-нибудь вред или зло, то в таком случае чтобы было место, которое прежде допущения до исполнения увидев все сие, имело время представить о сем государю чрез канцлера юстиции и чрез то отвратило от государства зло, а от государя жалобы и недовольствия на него».²¹

«Чтобы сенату быть полезну для государства», Павел проектирует учредить его в четырех местах — в Петербурге, Москве, Казани и Глухове. В ведомости каждого сената закрепляется определенное число губерний. Каждый из четырех сенатов делится на два департамента (уголовный и апелляционный), состоящих из семи членов, «которых выбирать дворянству таким образом: как скоро выбудет один таковой член, так скоро собравшись все дворянство тех губерний, которые под сенатом состоят, выберут трех кандидатов между собою на каждое убылое место из первых трех классов и по том отошлют сей выбор в Петербургской сенат, которой представит оный государю на апробацию, а государь, кан-

¹⁹ Там же, л. 14 об.

²⁰ В так называемом «Наказе» Павла, составленном не позднее 1788 г., функция государственного совета определена следующим образом: «В государев совет все дела входят по всем частям, следовательно, от всех частей главному быть в ней. Я разумею дела, до государственного правления касающиеся, а не текущие по законам и без того» (М. И. Семевский. Материалы к русской истории XVIII века. (1788 г.). Вестник Европы, 1867, т. 2, с. 317).

²¹ ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 73, л. 15.

дидата одного выбрав, учредит сенатором».²² Петербургский сенат является старшим. Все сенаты отсылают в него дела, которые они не в состоянии разрешить сами (обсудив их предварительно в собрании двух департаментов); если же и Петербургский сенат не сможет решить их, эти дела представляются на решение государя через канцлера юстиции, через него же резолюции государя идут обратным путем.²³

Однако значение сената в павловской записке не ограничивалось ролью высшей судебной инстанции, обладающей правом «представления» монарху в сфере юстиции. Павел наделил выборный дворянский сенат правом представления по всем вопросам государственного управления, за исключением лишь внешней политики.

«...сенату необходимо должно иметь право, — пишет Павел, — представлять государю вышеозначенным порядком о учреждении, поправлении и отмене и по другим частям, касающимся непосредственно до правительства или до народа и пр.: как то по департаментам камерному, финанц, денежному, щетному, комерц и военным обеим (касательно до сборов для их и до рекрутского набора)».²⁴

Таким образом, павловский план государственного преобразования России воплотил высказанную в «Разсуждениях вечера 28 марта 1783» панинскую мысль, что законодательная власть «может быть в руках государя, но с согласия государства, а не иначе, без чего обратится в деспотизм. Законы хранящая должна быть в руках всей нации, а исполняющая в руках под государем, предопределенным управлять государством».²⁵

²² Там же, л. 16. — В каждый департамент назначается по прокурору, а в каждый сенат — по обер-прокурору, в Петербурге же — генерал-прокурор. Они «смотреть приставлены за точной силой законов и законопать, что пропущено или упущено по ним». При каждом департаменте, помимо стряпчих, исполняющих должности, предписанные им «учреждением об управлении губерний», должны быть прокуроры и стряпчие «для дел частных людей». Их принимают только после публичного экзамена перед всем сенатом. Они должны выполнять роль «поверенных в делах» в случае отсутствия одного из челобитчиков. Вместе с этим Павел проводит мысль о гласности судебного процесса и публичности всего судопроизводства (там же, л. 17 об.—18).

²³ «Канцлер юстиции, — замечает Павел, — особа первого класса, отнюдь не президент, но первый член всех сенатов и для того имеет первое в оных место...» (ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 73, л. 16 об.).

²⁴ ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 73, л. 16 об.

²⁵ Разсуждения вечера 28 марта 1783. ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 17, л. 1 об.—2. — Нет сомнения, что термин «нация» включает в себе только дворянство. См. споры о термине «нация», употребляемом Д. И. Фонвизинным в «Найденном в бумагах... разсуждении...» (Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. Творческий путь, с. 205—206; К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина, с. 141—142; Ю. М. Лотман. Руссо и русская культура. В кн.: Эпоха Просвещения. Из истории международных связей

Сравнение павловских записок с конституционным проектом П. И. Панина—Д. И. Фонвизина, содержание которого передал М. А. Фонвизин в своих «Записках», показывает, что они отличаются только в деталях. Единственным принципиальным отличием является содержащееся в рассказе М. А. Фонвизина положение, по которому сенат был бы облечен законодательной властью, «а императорам оставалась бы власть пспоминительная с правом утверждать сенатом обсужденные и принятые законы и обнародовать их». Однако это отличие только кажущееся. Не следует упускать из виду, что М. А. Фонвизин не мог читать конституционного проекта, так как в момент его уничтожения (1792 г.) автору «Записок» было четыре года (род. 1788 г.). О содержании конституционного проекта М. А. Фонвизин слышал либо от своего отца, возможно читавшего этот документ, либо от своего дяди, П. И. Фонвизина, хранившего этот манускрипт, но в любом случае узнать о существовании конституционного проекта и осмыслить его содержание М. А. Фонвизин мог лишь через много лет после его уничтожения. Поэтому нет ничего удивительного, что право сената предлагать императору законы, представлять об их изменении или отмене могло превратиться в «Записках» Д. И. Фонвизина в право императора «утверждать сенатом обсужденные и принятые законы и обнародовать их», чего, однако, еще недостаточно для утверждения, что сенат обладал бы «полною законодательною властью». Наконец, и тот факт, что во введении к конституционному проекту, каковым является «Найденное в бумагах... рассуждение...», Д. И. Фонвизин уделил очень много внимания описанию личных качеств идеального просвещенного монарха, свидетельствует, что в проектированном Н. И. Паниным и Д. И. Фонвизиним государственном устройстве воля монарха должна была играть весьма существенную роль, что было бы менее значимо, если бы сенат, а не монарх обладал полною законодательной властью.²⁶

Две разобранные выше записки Павла, представляющие собой выработанный наследником в начале 80-х годов XVIII в. план преобразования государственного устройства России, в основу которого были положены идеи, высказанные Н. И. Паниным, убедительно свидетельствуют, что Н. И. Панин и Д. И. Фонвизин не только мечтали о конституционном преобразовании страны, суть которого с указанными искажениями передал М. А. Фонвизин в своих «Записках», но и добивались его скорейшего осу-

русской литературы. Л., 1967, с. 252). М. А. Фонвизин свидетельствует, что «Н. И. Панин предлагал основать политическую свободу сначала для одного дворянства» (Обозрение проявлений..., с. 126).

²⁶ Записка Павла не упоминает о необходимости постепенного освобождения крепостных, которое, по свидетельству М. А. Фонвизина, содержалось в проекте Н. И. Панина—Д. И. Фонвизина. Надо иметь в виду, что записка Павла, посвященная государственному устройству, отражает только аналогичную часть проекта Н. И. Панина—Д. И. Фонвизина, который, вероятно, затрагивал и ряд других вопросов.

ществления. Это важное обстоятельство заставляет усомниться в правильности предположения В. И. Семевского, что записанные Д. И. Фонвизиним политические идеи Н. И. Панина не были переданы П. И. Панину вместе с другими бумагами из-за того, что их автор не верил в быстрое осуществление своих идей.

Прежде всего необходимо отметить ошибочность утвердившегося в советской литературе мнения, что Е. С. Шумигорский опубликовал (а следовательно, и предоставил в распоряжение В. И. Семевского) подлинник «Найденного в бумагах... рассуждения...», обнаруженный им в Государственном архиве.²⁷ Во-первых, автографы П. И. Панина и Д. И. Фонвизина хранились в разряде «Секретные пакеты» в Государственном архиве. Запечатанный пакет, содержащий эти документы, был вскрыт С. Д. Сазоновым, как это явствует из приписки на нем директора архива С. Горяпова, лишь в 1909 г.²⁸ Работа В. И. Семевского вышла из печати в 1905 г., публикация Е. С. Шумигорского — в 1907 г. Во-вторых, Е. С. Шумигорский опубликовал эти документы под общим названием «Письмы с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блажепой памяти к государю императору Павлу Петровичу». Ни один пакет и ни один документ из Государственного архива не содержат такого названия, в то время как писарские копии с них, хранившиеся в библиотеке Зимнего дворца, были переплетены в зеленый сафьян, на лицевой крышке которого вытеснена именно эта надпись.²⁹ В третьих, Е. С. Шумигорский опубликовал документ, посящий название: «№ 1-й формы (в копии «форма», — М. С.) манифесту, какой рассуждается, не может ли быть угоден к изданию при законном по определению божескому возшествии на престол наследника». Среди подлинников, хранившихся в Государственном архиве, такой документ отсутствует, но копия с него хранится в фонде библиотеки Зимнего дворца.³⁰ Возможное предположение, что этот документ хранился в Государственном архиве, а потом пропал, следует отбросить. Внешний пакет, в котором хранились панинские бумаги, был запечатан (как это явствует из надписи на нем) не позднее 1831 г., и его вскрыли лишь в 1909 г.³¹ Между тем в опи-

²⁷ ИС, кн. III, с. 146; К. В. Пигарев. 1) «Рассуждение о непременных государственных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева, с. 340; 2) Творчество Фонвизина, с. 135.

²⁸ ЦГАДА, ф. 1, ед. хр., 17, л. 126.

²⁹ ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 565.

³⁰ Там же, л. 35—50 об.

³¹ Надпись на конверте: «Письмо графа Петра Ивановича Панина к императору Павлу 1-му 1784 года, с приложением проекта манифеста, до управления относящегося, и другими бумагами».

Государь император, вручая их мне в 1831 г. для хранения, сказать мне позволил: что бумаги сии найдены в собственном бюро императора Павла I-го в одном секретном ящике» (ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 17, л. 126). Первую часть этой надписи Е. С. Шумигорский должен был взять для общего заглавия публикации, если бы он действительно пользовался этими документами. В описи дел Комитета 6 декабря 1826 г. под номером 234-м

си дел Комитета 6 декабря об этом документе сказано, что он был представлен Николаю I 6 ноября 1834 г., т. е. через три года после запечатывания пакета с панинскими бумагами; это и доказывает, что в запечатанном пакете данного документа не было.³² Но независимо от всего вышеизложенного сравнение публикации Е. С. Шумигорского с подлинниками и с писарскими копиями из библиотеки Зимнего дворца свидетельствует, что публикация произведена была по писарским копиям, а не по подлинникам.³³

Обращение к подлиннику «Найденного в бумагах... разсуждения...», писанному рукой Д. И. Фонвизина, также позволяет усомниться в правильности предположения В. И. Семевского, что Д. И. Фонвизин не передавал П. И. Панину проекта «фундаментальных законов». На полях подлинной рукописи против слов Д. И. Фонвизина: «При таком соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание» — имеется приписка, сделанная рукой П. И. Панина: «Сего начертания не допустила покойнаго сочинить скоропостижная ему кончина».³⁴ В копии из библиотеки Зимнего дворца эта приписка помещена в конце страницы в качестве сноски без указания ее автора, именно в таком виде она и была воспроизведена

значится запечатанный пакет с надписью, совпадающей с первой частью вышеуказанной надписи (Опись дел Архива Государственного совета, т. XVI, СПб., 1912, с. 68). Однако в делах Комитета 6 декабря этот пакет отсутствует (ЦГИА, ф. 1167). В журналах Комитета нет никаких следов обсуждения документов, содержащихся в этом пакете (Журналы Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. Сб. РИО, т. 74, СПб., 1891). Вышеуказанная надпись находится на внешнем пакете, в нем же находился еще один внутренний пакет, в который и были заключены документы. На внутреннем пакете имеется надпись Николая I: «Хранить, не распечатывая без собственного высочайшего повеления» (ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 17, л. 127). К. В. Пыгарев заключил, что документы были переданы в Государственный архив в 1831 г. в пакете с этой надписью (К. В. Пыгарев. «Разсуждение о непеременимых государственных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева, с. 342). Однако Государственный архив был образован только в 1834 г., и вышеуказанная надпись находится на внутреннем, а не на внешнем пакете. Из вышеприведенного следует, что с 1831 г. пакет с панинскими бумагами, подписанный Николаем I, хранился запечатанным во внешнем пакете в делах Комитета 6 декабря, а потом был передан в Государственный архив (после 1834 г.) в запечатанном же виде.

³² «Врученный императором Николаем I князю Кочубею, писанный в 1785 г. проект манифеста на случай восшествия на царство наследника престола». (Надпись карандашом: «Представлен государю императору 6 ноября 1834 г.») (Опись дел Архива Государственного совета, т. XVI, с. 75). Эта фраза, вероятно, и объясняет, почему манифест не находился в Государственном архиве, — он был вручен Кочубею.

³³ Что касается некоторых разночтений текста публикации с текстом копий, то их наличие не опровергает вышесказанного и объясняется как археографическими приемами Е. С. Шумигорского, так и его небрежностью.

³⁴ Найденное в бумагах... разсуждение... ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 17, л. 16 об.

Е. С. Шумигорским.³⁵ В. И. Семевский, пользуясь копией, не мог, следовательно, знать, кто является автором этой пометки, между тем ее авторство имеет важное значение. В. И. Семевский обнаружил в Государственном архиве (в делах следственной комиссии по делу декабристов) копию «Найденного в бумагах... разсуждения...», которая, однако, не имела никакого заглавия. Эта копия была отобрана в 1826 г. у московского купца П. Е. Котельникова, бывшего содержателем типографии и покупавшего манускрипты.³⁶ Этот список П. Е. Котельников получил в 1818 г. от М. А. и И. А. Фонвизных, рукой последнего написана заключительная часть списка. П. Е. Котельников сам видел у И. А. и М. А. Фонвизных подлинный манускрипт Д. И. Фонвизина, с которого и была снята отобраемая у П. Е. Котельникова копия. Нет сомнения, что этот список восходит к подлинной рукописи Д. И. Фонвизина, о которой М. А. Фонвизин рассказывал в своих «Записках», именно ее похитил у него какой-то букинист и продал ее Бекетову. То, что М. А. Фонвизин называет ее введенным или «родом Considerant», свидетельствует, что манускрипт не имел заглавия так же, как и копия, снятая с него.

В. И. Семевский, сравнивая копию «Найденного в бумагах... разсуждения...» из библиотеки Зимнего дворца с копией, отображенной у П. Е. Котельникова и обнаруженной им в Государственном архиве, считал, что он сравнивает текст, препровожденный П. И. Паниным Павлу, с копией, снятой с подлинной фонвизинской рукописи. В результате сравнения обнаружив, что в тексте, посланном Павлу, отсутствует фрагмент, относящийся к характеристике «горделивого государя», В. И. Семевский пришел к заключению, что это место «показалось П. И. Панину неприличным и он исключил его».³⁷ Убеждение В. И. Семевского, что фонвизинский текст «Найденного в бумагах... разсуждения...» был переработан П. И. Паниным и уже в переработанном виде послан Павлу, следует считать ошибочным, так как посланная Павлу рукопись «Найденного в бумагах... разсуждения...» была написана рукой Д. И. Фонвизина и П. И. Панин не мог исключить из ее текста фрагмент, казавшийся ему неприличным, он лишь имел возможность делать пометки, чем и воспользовался. Следовательно, фрагмент, не обнаруженный В. И. Семевским в копии библиотеки Зимнего дворца, был исключен из текста подлинника самим

³⁵ Е. С. Шумигорский. Император Павел I... Прилож., с. 12. — У Е. С. Шумигорского: «скоропостижная его кончина», в подлиннике: «скоропостижная ему кончина».

³⁶ В. И. Семевский, В. Богучарский, П. Е. Щеголев. Общественные движения в России..., с. 8; см. подробнее: Допесение Московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына начальнику Главного штаба И. И. Дибичу, 8 мая 1826 г. ЦГАОР, ф. 48, ед. хр. 265, ч. I.

³⁷ В. И. Семевский, В. Богучарский, П. Е. Щеголев. Общественные движения в России..., с. 13.

Д. И. Фонвизинным до передачи рукописи П. И. Панину.³⁸ Этот вывод позволяет поставить вопрос о существовании нескольких редакций «Найденного в бумагах... разсуждения...», выполненных Д. И. Фонвизинным.

В настоящее время, кроме подлинной рукописи Д. И. Фонвизина, копии с нее из библиотеки Зимнего дворца, а также списка П. Е. Котельникова, известен еще один список, обнаруженный К. В. Пигаревым в фонде П. А. Вяземского. Рукопись написана неизвестной рукой и носит название «Политическое сочинение» (сбоку приписка П. А. Вяземского «Д. И. Фон-Визина»). Происхождение этого списка неизвестно.³⁹

Очевидно, что заглавие «Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непременимых государственных законах» могло появиться только после смерти Н. И. Панина (31 марта 1783 г.). Эта фраза расположена в рукописи таким образом, что невозможно допустить приписки слов «Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина» к словам «разсуждение о непременимых государственных законах».⁴⁰ Следовательно, мы имеем дело с рукописью Д. И. Фонвизина, написанной после смерти Н. И. Панина, работу над ней можно датировать с 31 марта 1783 г. по день приезда в Петербург П. И. Панина (к сожалению, установить этот день нам не удалось).⁴¹ Из этого факта также следует, что существовала и другая рукопись, найденная в бумагах Н. И. Панина, но не имевшая

³⁸ Возможно допустить, что П. И. Панин сделал устные замечания, а Д. И. Фонвизин в соответствии с ними переработал свое «Найденное в бумагах... разсуждение...» Но в момент написания письма П. И. Панина (1 октября 1784 г.) Д. И. Фонвизин находился за границей (с лета 1784 г.).

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1150, л. 1—6. — По мнению К. В. Пигарева, этот список был получен П. А. Вяземским от племянников Д. И. Фонвизина, но К. В. Пигарев не сообщает, на чем основывается это заключение («Разсуждение о непременимых государственных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева, с. 361).

Текст герценовской публикации «О праве государственном Фон-Визина» отличается от всех вышеуказанных списков. Но так как в нашем распоряжении нет рукописи, по которой была произведена публикация, а редакционные изменения, сделанные А. И. Герценом при публикации, вполне возможны, вопрос, был ли в распоряжении А. И. Герцена неизвестный список или же в основу его публикации был положен один из известных списков, остается открытым.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 17, л. 5.

⁴¹ П. И. Панин сообщил Павлу, что Д. И. Фонвизин передал ему рукопись, «когда скоро» П. И. Панин приехал в Петербург (П. И. Панин — Павлу, 1 октября 1784 г. В кн.: Е. С. Шумигорский. Император Павел I... Прилож., с. 2). Неверным является утверждение Г. П. Макогоненко, что «после смерти брата П. Панин, собрав все бумаги, дал их переписать писцу и приложил письмо к Павлу» (Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. М.—Л., 1959, т. I, Комментарии, с. 679). Павлу были отправлены не писарские копии, а подлинники: ни одной копии XVIII в. вышеуказанных документов в настоящее время не найдено, да и в момент смерти П. И. Панина его брата не было в Петербурге.

такого названия, в результате редактирования которой Д. И. Фопвизни и создал рукопись, получившую название «Найденное в бумагах... разсуждение...», отосланную впоследствии Павлу. Таким образом, рукопись, написанную Д. И. Фопвизниным до смерти Н. И. Панина, можно считать первой редакцией введения к конституционному проекту, не имевшей никакого названия. Очевидно, именно этот манускрипт был передан Д. И. Фопвизниным П. И. Фопвизнину, а от него он попал к А. И. Фопвизнину, а от детей последнего П. Е. Котельников в 1818 г. получил копию с него. Сопоставим список Котельникова с «Найденным в бумагах... разсуждением...» и попытаемся выяснить, какие изменения Д. И. Фопвизни внес в текст, переданный П. И. Панину для отправления Павлу, по сравнению с текстом, выработанным при жизни Н. И. Панина. Сопоставим также первую и вторую редакции со списком Вяземского и попробуем определить, какую из редакций он воспроизводит. Приведем лишь некоторые из многочисленных различий.

Список П. Е. Котельникова (ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 265, ч. I)

Список Д. И. Фопвизни (ЦГАДА, ф. 1, ед. хр. 17) л. 5

Список П. А. Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1150) л. 1

Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непрелюбных государственных законах

Политическое сочинение

л. 70 об.

человек. Тщетно заражает он себя безумным мнением, будто предвечными судьбами предустановлен он делать из людей, что ему угодно: но если б богу угодно было предоставлять, кому властвовать и кому рабствовать, то он, конечно, ознаменовал бы себя волю свою; цари, например, рождались бы тогда с короною на головах, а вся достальная часть человеческого рода — с седлами на спинах. — Напротив ⁴²

л. 12 об.

человек. — Напротив

л. 4

человек. Тщетно заражает он себя безумным мнением, будто предвечными судьбами предустановлен он делать из людей, что ему угодно: если б богу угодно было предоставлять, кому властвовать и кому рабствовать, то бы он, конечно, ознаменовал бы себя свою волю свою: цари, например, рождались бы тогда с короною на головах, а вся достальная часть человеческого рода — с седлами на спинах. — Напротив

⁴² Отсутствие этого фрагмента в копии из библиотеки Зимнего дворца было обнаружено В. И. Семевским.

При таком соображении, каковы могут быть первые фундаментально законы, прилагается при сем особенное наставление

При таком соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание

При таком соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем собственное наставление

В заключение

В заключение

В заключение

Из приведенных разночтений можно заключить, что список Вяземского близок к первой редакции введения к конституционному проекту, воспроизведенной списком Котельникова. Однако список Вяземского имеет некоторые стилистические отличия от списка Котельникова. Восходил ли список Вяземского к первой редакции, но был сильно испорчен переписчиком, или же он относился к незнакомой нам редакции, предшествующей той, которую мы условно назвали первой, вопрос остается открытым. Но с уверенностью можно сделать вывод о невозможности отнесения списка Вяземского ко второй редакции, ибо список Вяземского, так же как и список Котельникова, содержит фрагмент характеристики «горделивого государя», исключенный Д. И. Фонвизинным из посланного Павлу текста «Найденного в бумагах... разсуждения...», представляющего собой вторую и окончательную редакцию введения к конституционному проекту.

В списках Котельникова и Вяземского, восходящих к первой редакции, выполненной при жизни Н. И. Панина, после слов: «При таком соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное («собственное» в списке Вяземского, — М. С.) наставление» — следует лакуна, заполненная двумя строчками пунктирных линий. Во второй, окончательной, редакции в этой же фразе слово «наставление» заменено словом «начертание», а лакуна отсутствует. Из этого следует важнейший вывод, что Д. И. Фонвизин, перерабатывая после смерти Н. И. Панина первую редакцию своего сочинения, удаляя из него все, что ему могло показаться излишним (так он поступил с фрагментом характеристики «горделивого государя»), не считал нужным удалить фразу о приложении к своему сочинению проекта фундаментальных законов, заменив в ней лишь слово «наставление» словом «начертание».⁴³ Если наличие лакуны в первой редакции говорит о том, что Д. И. Фонвизин, вероятно, собирался вписать проект государственных реформ (к этому времени еще не созданный) в текст своего сочинения, то исключение лакуны из текста, посланного Павлу, могло быть следствием двух взаимоисключающих причин. Это могло быть вызвано как

⁴³ Эта замена, вероятно, объясняется тем, что воспитателю Павла было естественно «наставлять» своего воспитанника, но после смерти Н. И. Панина Д. И. Фонвизину казалось приличнее «предначертывать» для Павла.

тем, что проект не был написан вовсе, так и тем, что он был написан, но на отдельном листе и прилагался к тексту введения. От первого предположения следует отказаться, так как если допустить, что проект не был написан и вследствие этого Д. И. Фонвизин исключил лакуну, ставшую ненужной, то следует признать, что он тем более должен был удалить и фразу о приложении проекта. Однако этого Д. И. Фонвизин не сделал. Остается предположить, что проект был написан и приложен к «Найденному в бумагах... разсуждению...», о чем Д. И. Фонвизин и уведомил в отредактированной им фразе о приложении особенного начертания.⁴⁴

Список Котельникова позволяет утверждать, что в руках М. А. Фонвизина, автора «Записок», находилась подлинная рукопись Д. И. Фонвизина, содержащая лакуну. Естественно, что упоминание в рукописи о проекте государственных преобразований и отсутствие самого проекта не могли не заставить М. А. Фонвизина, интересовавшегося проявлениями политической жизни в России, искать разъяснений на возникающие вопросы. Тем ценнее его вполне определенное свидетельство о существовании конституционного проекта и о его содержании. М. А. Фонвизин говорил, что у П. И. Фонвизина хранился «список» с конституционного проекта.⁴⁵ Почему же Д. И. Фонвизин вернул своему брату на хранение только список, а не сам проект? Анализ «Найденного в бумагах... разсуждения...» и его списков позволяет предположить, что конституционный проект был приложен к «Найденному в бумагах... разсуждению» и передан П. И. Панину.

Почему же среди бумаг, посланных Павлу, нет конституционного проекта Н. И. Панина—Д. И. Фонвизина? Как уже отмечалось, исследователи считали, что Д. И. Фонвизин не передавал его П. И. Панину. Основным аргументом в пользу этого утверждения являлось письмо П. И. Панина, в котором он сообщил Павлу, что проект конституции не был даже написан. Все сведения, сообщаемые П. И. Паниным, исследователи принимали на веру без всякого критического разбора, между тем достоверность некоторых из них весьма сомнительна. Мы уже установили, что

⁴⁴ Причина отказа от вписывания проекта в текст «Найденного в бумагах... разсуждения...», вероятно, заключалась в том, что проект, мыслимый первоначально как наставление, после его завершения уже не подходил под это предполагаемое название и не мог быть вписан органически в текст, носящий характер наставления.

В публикации А. И. Герцена отсутствует упоминание о проекте, прилагаемом к сочинению Д. И. Фонвизина. Но это еще не означает, что в рукописи, которой пользовался А. И. Герцен, оно тоже отсутствовало. Возможно, не имея проекта, А. И. Герцен не включил в публикацию слова о нем. Если верно предположение, что рукопись была доставлена А. И. Герцену Афанасьевым (ИС, т. III, с. 153), получившим ее от родственников М. А. Фонвизина, то в руках А. И. Герцена была рукопись, содержащая лакуну и упоминание о приложении проекта государственных реформ.

⁴⁵ М. А. Ф о н в и з и н. Обзорение проявлений..., с. 127.

«Найденное в бумагах... рассуждение...» имело минимум две редакции, причем последняя была выполнена уже после смерти Н. И. Панина, при этом рукопись, переданная Д. И. Фонвизинным П. И. Панину, представляла собой беловик, в котором с трудом можно отыскать две-три аккуратнейшие поправки. Тем не менее П. И. Панин, посылая эту рукопись Павлу, писал: «Созвольте Вы Высочайше усмотреть, что сочинение брата моего осталось после его черным». Значит, П. И. Панин сознательно обманывал Павла. Зачем? «То хотя и сказано в нем, — продолжал П. И. Панин, — что фундаментальные права тут же приносятся, но смерть его не допустила и зачать еще оныя».⁴⁶ Таким образом, чтобы объяснить в окончательно отредактированной рукописи Д. И. Фонвизина наличие упоминания о прилагаемом конституционном проекте, П. И. Панину понадобилось объявить посылаемую Павлу рукопись черновиком.

Что заставило П. И. Панина вводить в заблуждение Павла? «Известны по несчастью ужасные примеры в Отечестве нашем над целыми родами сынов его за одни только и рассуждения против деспотизма...», — так П. И. Панин объяснял, почему он «не дерзнул осмелиться» поднести Павлу сочинение своего брата (заметим, что П. И. Панин так и «не дерзнул осмелиться» сделать это до самой смерти). Сомнение в правильности своего решения отправить императору сочинение брата пронизывает все письмо П. И. Панина. Он допускает, что Павел вместо «благотворного употребления» уничтожит посланные ему бумаги, при этом возможность такого исхода кажется ему столь вероятной, что он дважды упоминает о ней. Хотя П. И. Панин, по собственному его выражению, не имел «пужды для себя ни в чем другом, кроме могилы», его очень беспокоила судьба его детей в случае уничтожения этих сочинений.⁴⁷ Наконец, если сопоставить документы П. И. Панина в хронологическом порядке («Прибавление» и два манифеста), то становится очевидной возрастающая с каждым месяцем перешительность П. И. Панина.⁴⁸ В черновике заключительного пись-

⁴⁶ П. И. Панин — Павлу, 1 октября 1784 г. В кн.: Е. С. Шумигорский. Император Павел I..., Прилож., с. 3.

⁴⁷ Там же. — Обсуждая ряд военных реформ в переписке с Павлом в 1778—1779 гг. (Русская старина, 1882, т. 33, с. 403—418, 739—764), П. И. Панин не верил в серьезность намерений Павла. Его сочинения казались П. И. Панину «больше одним желанием к доказательству превосходности своей в авторских мудрствованиях, нежели в существительном сердечном примыслении к истинному благу» (П. И. Панин — Н. И. Панину, 31 декабря 1778 г. РО ГБЛ, ф. 222, папка XV, л. 6).

⁴⁸ Это сопоставление было сделано Г. В. Плехановым (История русской общественной мысли (1—3 гл. из 4 тома). Пгр., 1918, с. 21—26). Можно также сомневаться в полной осведомленности П. И. Панина в планах своего брата. Н. И. Панин не разделял, по-видимому, идей П. И. Панина, которые он высказывал в указанной переписке с Павлом. Н. И. Панин задерживал письма П. И. Панина, проходившие через его руки, чем вызвал негодование своего брата, который в резких выражениях бросил ему обвинение в недоверии и сокрытии своих намерений (П. И. Панин —

ма, к которому предполагалось присоединить два манифеста, П. И. Панин писал Павлу: «Я не могу не признаться, что как в сих двух поднесениях, так и в прибавлении моем к сочинению брата моего распространялся я на некоторые предметы не совсем пристойные в помещаемые им места».⁴⁹ Поскольку П. И. Панин опасался, что даже его собственные умеренные проекты могут показаться Павлу «не совсем пристойными», то вполне вероятно, что конституционный проект П. И. Панина—Д. И. Фонвизина, по которому власть императора ограничивалась выборным дворянским сенатом, мог казаться ему совсем «непристойным». В этом, на наш взгляд, и заключается причина сокрытия П. И. Паниным конституционного проекта, врученного ему Д. И. Фонвизиным вместе с «Найденным в бумагах... разсуждением...».

Итак, с одной стороны, две записки Павла (особенно «Разсуждения вечера 28 марта 1783») убедительно свидетельствуют, что за два дня до своей смерти Н. И. Панин убеждал Павла преобразовать государственный строй России на конституционных началах, при этом характер реформ, осуществления которых добивался Н. И. Панин, совпадает с основными положениями конституционного проекта, содержание которого с некоторыми искажениями передало М. А. Фонвизиным в его «Записках». С другой стороны, анализ рукописи «Найденного в бумагах... разсуждения...» позволяет предполагать, что Д. И. Фонвизин передал П. И. Панину конституционный проект, воплотивший идеи, высказанные в «Разсуждениях вечера 28 марта 1783». Совокупность этих двух обстоятельств убеждает в достоверности свидетельства М. А. Фонвизина о существовании конституционного проекта Н. И. Панина—Д. И. Фонвизина, список с которого был передан на хранение П. И. Фонвизину и уничтожен им в 1792 г. Что же касается судьбы самого конституционного проекта, попавшего в руки П. И. Панина, сын которого — Н. П. Панин — возглавил заговор против Павла, то не следует ли с большим доверием отнестись к сообщению М. А. Фонвизина,⁵⁰ что руководители заговора 11 марта 1801 г. хотели воспользоваться конституционным проектом Н. И. Панина—Д. И. Фонвизина для ограничения самодержавия Александра I?

Н. И. Панину, 27 декабря 1778 г. РО ГБЛ, ф. 222, папка XV, л. 10 об.; см. также: П. И. Панин — Н. И. Панину, 4 марта 1779 г. Там же, л. 9 об.—10 об.; П. И. Панин — Н. И. Панину, 13 января 1779 г. Там же, папка XIV, л. 1; П. И. Панин — Н. И. Панину, 3 февраля 1779 г. Там же, л. 3).

⁴⁹ П. И. Панин — Павлу, б/д. В кн.: Е. С. Шуми горский. Император Павел I... Прилож., с. 28.

⁵⁰ М. А. Ф о н в и з и н. Обзорение проявлений..., с. 142—143.